

Е. В. Локтевич

**ДИАЛОГ ОЧЕВИДНЫХ И НЕОЧЕВИДНЫХ НАРРАТИВОВ
КРЕАТИВНОГО ОПЫТА В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИНА
(АЛЬБОМ «ПЛАН ЛОМОНОСОВА VI», 2023)**

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. Статья посвящена комплексной теоретико-методологической оценке механизмов смыслопорождения в современной российской песенной поэзии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления трансформации межсубъектной фигуры *Автора* и кризиса традиционных метанарративов о творчестве в поликодовом «теле» песни. Материалом анализа стал вербальный субтекст песенного творчества А. Ильина, которое рассматривается в фокусе проблемы переосмысления субъектно-объектных нарративов креативного опыта. Методология исследования выстраивается на синтезе системно-субъектного и структурно-семиотического методов, нарратологического подхода, теории визуального нарратива, а также концепций, учитывающих поликодовую природу песенной поэзии. В статье выявлен и описан конфликт между *очевидным нарративом* (совокупность традиционных творческих дискурсов, актуализированных в русле пафоса преодоления) и *неочевидным нарративом* (латентный текст экзистенциального свойства, транслируемый субъектом сознания и речи в контексте экспрессивных модусов художественности и оксюморонных комплексов). В фокусе анализа находятся формы взаимодействия разных нарративов, в точке напряжения которых происходит семантический сдвиг ключевых концептов («горизонт», «ноль», «вечность») и рождается «третий», амбивалентный смысл. Горизонт (со)бытия превращается в символ хронотопического предела экзистенции лирического «я», квадратный ноль маркирует пространственно-временную точку семантической трансформации, от которой возможен новый бытийно-инобытийный отчет. Установлено, что поэтическая система А. Ильина выступает как поликодовая субъектно-образная платформа для пересмотра «языков» творческого (само)познания. Утверждается, что диалог очевидного и неочевидного в песенных текстах рок-группы «План Ломоносова» определяется философско-эстетическим кризисом современной трактовки креативного акта.

Ключевые слова: *песенная поэзия, рок-поэзия, субъектная организация, вербальный субтекст, лирический герой, автор, нарратив, диалог нарративов, дискурс, креативный опыт, семантический сдвиг*

Е. V. Loktevich

**DIALOGUE OF OBVIOUS AND NON-OBVIOUS NARRATIVES
OF CREATIVE EXPERIENCE IN ALEXANDER ILYIN'S SONG POETRY
(ALBUM "PLAN OF LOMONOSOV VI", 2023)**

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The article is devoted to a comprehensive theoretical and methodological assessment of the mechanisms of meaning generation in modern Russian song poetry. The relevance of the research is determined by the need to comprehend the transformation of the author's intersubjective figure and the crisis of traditional meta-narratives about creativity in the polycode "body" of the song. The material of the analysis is the verbal subtext of A. Ilyin's songwriting, which is considered in the focus of the problem of rethinking the subject-object narratives of creative experience. The methodology of the analysis is based on the synthesis of system-subjective and structural-semiotic methods, a narratological approach,

the theory of visual narrative, as well as concepts that take into account the polycode nature of song poetry. The article identifies and describes the conflict between the obvious narrative (a set of traditional creative discourses actualized in line with the pathos of overcoming) and the non-obvious narrative (a latent text of an existential nature, transmitted by the subject of consciousness and speech in the context of expressive modes of artistry and oxymoronic complexes). The analysis focuses on the forms of interaction between different narratives, at the point of tension of which a semantic shift of key concepts occurs (“horizon”, “zero”, “eternity”) and a “third”, ambivalent meaning is born. The horizon of (co)being turns into a symbol of the chronotopic limit of the existence of the lyrical “I”, the square zero marks the space-time point of semantic transformation, from which a new beingness-otherworldly countdown is possible. It is established that A. Ilyin’s poetic system functions as a polycode subject-image platform for reconsidering the “languages” of creative (self-)knowledge. It is argued that the dialogue between the obvious and the non-obvious in the song lyrics of the rock band Lomonosov’s Plan is determined by the philosophical and aesthetic crisis of the modern interpretation of the creative act.

Keywords: *song poetry, rock-poetry, subjective organization, verbal subtext, lyrical hero, author, narrative, dialogue of narratives, discourse, creative experience, semantic shift*

Введение. Современная российская песенная поэзия как полисубтекстуальное образование демонстрирует нарративную трансформацию лирическим субъектом нескольких художественных моделей репрезентации творческого опыта. Эстетические критерии такого одновременно коллективного и индивидуального созидания доступны для других через *нарративизацию* [1, с. 14], которая в условиях обесценивания культурных *метанарративов* [9, с. 92] подвергается последовательному переосмыслению, а в *художественном метанарративе* реализуется посредством «набора базовых символических и нарративных конструкций (а также способа говорения о них), который используется при конструировании художественных произведений и нарративов» [3, с. 682–683].

Объектом настоящего исследования выступает вербальный субтекст альбома «План Ломоносова VI» (2023) Александра Ильина, фиксирующий на субъектно-образном уровне интерференцию (пост)модернистских и постпостмодернистских художественных интенций, что реализуется с помощью креативной виртуалистики и интерактивности: «переход от постмодернистской интертекстуальности к постпостмодернистскому стиранию границ между текстом и реальностью происходит как в буквальном (компьютерная квазиреальность), так и в переносном смысле» [7, с. 354].

В рамках исследования под *очевидным нарративом* (далее – ОН) понимается совокупность традиционных творческих дискурсов, актуализированных в русле пафоса преодоления («путь», «горизонт», «действие», «победа»). *Неочевидный нарратив* (далее – НН) определяется как латентный текст экзистенциального свойства, транслируемый субъектом сознания и речи в контексте экспрессивных модусов художественности (усталость, абсурд, меланхолия) и оксюморонных комплексов («квадратный ноль», «режим эконом», «свечка с двух сторон»).

Цель исследования – выявить и описать диалог очевидных и неочевидных нарративных моделей, характеризующих коммуникативное поведение *биографического автора, собственно автора* [6, с. 183], *медийного автора* [10, с. 10], *повествователя, лирического героя и героев ролевой лирики*, а также синтетических субъектно-объектных образований в условиях кризиса традиционных креативных метанарративов.

Ключевой тезис статьи заключается в том, что в драматургически-перформативном дисплее песенная поэзия А. Ильина концептуирует конфликт как процесс непрерывного диалога-столкновения, в ходе которого происходят семантические сдвиги ключевых культурных концептов креативного опыта. Решающим аспектом нарративного дискурса выступает «не столько признак структуры коммуникации, сколько признак структуры

самого повествуемого» [21, с. 12], и в этой связи особенно продуктивным оказывается системно-субъектный метод исследования песенной поэзии, ведь «даже если музыкальное произведение не содержит озвученного словесного текста, в нем всегда обнаружатся семантические образования, которые можно выразить в виде словесного высказывания» [17, с. 45].

В фокусе анализа оказываются конкретные формы взаимодействия разных нарративов, демонстрирующих функционирование феномена *идейно-субъектной пограничности* [10, с. 27]: 1) парадоксальное бытие нескольких субъектов сознания и эмоциональных тонов в рамках одного образа; 2) циклическая подмена и интерференция как композиционный принцип альбома; 3) диалог поколений, эпох, идей и концепций (аллюзивно-реминисцентный уровень текста); 4) трансформация архетипических образов, которые утрачивают героический пафос и становятся носителями ироничного или абсурдного смысла. Основным результатом исследования является фиксация того, как в точке напряжения между обозначенными нарративами рождается «рассеянный» неустойчивый смысл, а поэтическая система А. Ильина предстает поликодовой субъектно-образной зоной пересмотра «языков» творческого (само)познания, выявляющей философско-эстетический кризис современной трактовки креативного акта, который «не развивается перманентно, равномерно и только по восходящей», он «неоднороден и селекционирован по разным видам, формам и уровням» [13, с. 13].

Теоретико-методологические основы многоуровневого анализа субъектной организации поэтического текста оформлены в трудах Б. О. Кормана, разработавшего *системно-субъектный метод* [6, с. 120]. Проблемы нарратива в лирике и современной песенной поэзии рассматривались в работах Е. С. Моштылевой, которая указала на взаимопроникновение нарративного и лирического начал в таких синтетических формах, как *хипхопера* [15, с. 118]. Феномен синтетического текста активно изучается в рамках психологии смыслопорождения [8] и современной семиотики [4]. Однако комплексный анализ диалога нарративных моделей креативного опыта в современной российской рок-поэзии с учетом полисемантики ее музыкальной коммуникации ([17], [20]) до сих пор остается актуальной научной задачей, которая ожидает своего последовательного решения. Мы исходим из положения, что песенная поэзия как синтетическое искусство являет собой коммуникативную систему, в которой вербальный субтекст существует в неразрывной связи с множественными вербально-невербальными субтекстами (контекстами), что влияет на формирование экзистенциальной семантики *нарративных структур* [15, с. 112] креативного опыта и актуализирует *экзистенциально-виртуальный тип субъектной организации* [10, с. 14]. Такой подход позволяет выйти за рамки вербального анализа и учесть влияние аудиального «кода», медийных и цифровых конструкторов на формирование исследуемых нарративов при осмыслении музыкального альбома как целостного художественного высказывания, обладающего внутренней перформансивной драматургией.

Актуальность исследуемой проблемы определяется несколькими взаимосвязанными факторами, которые лежат в плоскости теоретической поэтики, искусствоведения и культурологии. Во-первых, необходимостью осмысления трансформации образа *Автора* и *творческого акта* в культуре XXI в., столкнувшейся с дискурсами субъектного «аннулирования», экзистенциальной усталости и художественной креолизации абсурда. Песенная поэзия оказывается (ино-/не-)бытийным инструментом фиксации новой парадигмы художественности (*экзистенциально-виртуальной*), обнажающим коммуникативный кризис «очевидных» моделей творческого поведения субъекта сознания и речи. Во-вторых, актуальность связана с междисциплинарным интересом к феномену нарратива как универсальному способу осмысления и структурирования созидательного опыта личности. Исследование того, как в рамках одного художественного целого (альбома) сталкиваются разные, нередко взаимоисключающие нарративные модели творческого пути,

позволяет вскрыть сущностные культурные противоречия цифровой эпохи. В-третьих, применение к современной песенной поэзии теоретико-методологических разработок разных гуманитарных наук позволяет рассмотреть в культурном дисплее эпохи вербальный субтекст как часть сложного семиотического целого. Работа вносит вклад в теорию креативности и рассматривает песенный текст как особую многосубъектную форму креативного процесса, продуктом которого выступает не просто новое высказывание, но «новая художественная реальность», в которой происходит «становление новой реальности» самосознания субъекта [16, с. 199]. Актуальность также подтверждается тем, что в современном музыкознании [14, с. 4] и литературоведении [2, с. 237] активно разрабатываются вопросы новых форм взаимодействия слова и музыки, а также нарративности в музыке [12], что в совокупности требует выработки актуальных методов анализа синтетических видов искусства.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужил вербальный субтекст тринадцати песен, составляющих концептуальное ядро альбома «План Ломоносова VI» (2023) российской рок-группы «План Ломоносова» [5]: «Вечен и неубиваем», «Взахлеб», «Квадратный ноль», «Мельничный рыцарь», «Нарратив», «Град из звезд», «Пустячок», «Молоко и мед», «Горизонт событий», «Хэппи сонг», «Прямо сейчас!», «Коварное оболъщение», «Ночь нежна». Альбом рассматривается как целостное художественное высказывание, «выстроенное в соответствии с авторской волей» [2, с. 143], в котором каждая песня выступает элементом единого субъектно-образного мира.

Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер и строится на синтезе нескольких подходов, необходимых для решения поставленной задачи. Центральное место занимает системно-субъектный метод, который используется для дифференциации и анализа коммуникативного поведения авторских и героинных ипостасей. Б. О. Корман рассматривает *сюжет* как равноправную и / или неравноправную последовательность «однородных единиц (отрывков) текста», выделенных «по объектному признаку (что изображается, воспроизводится) или субъектному признаку (кто воспроизводит, изображает и пр.)» [6, с. 121], что позволяет увидеть рок-альбом в качестве единства множества сюжетов разного субъектно-объектного уровня.

Для анализа форм взаимодействия нарративов применяется предложенная Б. А. Успенским семиотика точки зрения [19] и теория визуального нарратива Н. В. Злыдневой [4], адаптированная для вербального субтекста. Такой подход позволяет выявить наблюдателя, передающего в поэтическом тексте «сенсорное напряжение авторского сознания» [18, с. 294], а также механизмы совмещения пространственно-временных и философско-эстетических точек зрения, что крайне важно для описания со-бытия нескольких субъектов сознания, которые выступают «источником смыслов вещей» [8, с. 18].

Для интерпретации внутренних векторов трансформации, связанной с кризисом лирической идентичности (*рассеянной субъектностью* [11, с. 321]) и поиском новых оснований творчества, привлекается концепция обряда перехода Л. Д. Бугаева, в русле литературоведения применяемая для анализа нарративов экзистенциальной трансформации. Концепция ученого дает методологический «ключ» к пониманию структуры «опыта перехода», проходящего «прелиминарную (обряд отделения), лиминарную (промежуточное состояние) и постлиминарную (обряд включения) фазы» [1, с. 15], что в альбоме прослеживается, например, в образах «квадратного нуля» и «горизонта». Поскольку объект исследования – явление синтетическое, то необходимыми оказываются теории креативности и концепции взаимодействия слова и музыки ([2], [14], [20], [17]), позволяющие учесть специфику песенной поэзии как поликодового искусства. Аналитические находки Е. С. Моштылевой в области взаимодействия нарративного и лирического начал [15] содействовали описанию конкурирующих моделей репрезентации креативного опыта и их коммуникативной динамики.

Результаты исследования и их обсуждение. Песни альбома «План Ломоносова VI» передают рассеянную субъектную напряженность, которая вызвана интерференцией ОН и НН креативного опыта первичного субъекта сознания и речи. Выявленный диалог обыгрывается лирическим героем как процесс организации бытия «по определенному сюжету или сценарию», которые демонстрируют «усвоение культурных образцов смыслов» [8, с. 419]. ОН чаще всего артикулируется сознанием, близким к *собственно автору* или *лирическому герою* в его «ролевой» ипостаси (условно-ролевой герой), оформляя *игровую внесубъектность* [10, с. 38], в дальнейшем реализованную медийным автором на сцене. Креативный лексикон этого субъекта сознания выстраивается вокруг экзистенциальных образов-символов «путь = горизонт событий», «движение = жизнь = захлеб = парус = свеча», «судьба = игра».

В песне «Горизонт событий» ОН представлен в диалогическом ключе двух пространственно-временных точек зрения (Восток и Запад): «За горизонтом встречал / Настоящих людей и братьев по духу, / Взглядом я огибал / Черных теней жареный контур, / И если в пути уставал – / Бог протягивал руку!» [5]. *Горизонт* в данном контексте несет в себе, с одной стороны, традиционную семантику межкультурной границы, экзистенциального призыва к кросс-диалогу, но с другой, – семантику возвратной точки зрения и личного опыта, необходимых лирическому герою в путешествии для сохранения душевного покоя и сердечной радости: «Все просто – я не готов / К просмотру чужих впечатлений картинок, / Пыль занимательных слов / Меняю на грязь дорожных ботинок, / Полис или аул / Впитаю в себя с одинаковой страстью – / Множеством разных культур / Мне Бог даровал великое счастье!» [5]. Во фразеологической точке зрения Бог как вторичный субъект сознания и речи актуализирует игровую внесубъектность, осмысленную лирическим субъектом как «Я»-субъектность, путь к самопознанию: «Встань! И ты продолжишь путь! / Пусть трепещет свет во мгле! / Ты успеешь отдохнуть, / Когда сам придешь ко мне...» [5].

В вербалике песни «Захлеб» на первичном плане субъектно-образной структуры декларируется философия ОН динамики бытия, символически выраженного образом *паруса*: «Надо менять, что-то менять надо, / Может в себе, может вокруг, правда, / Смело вперед, движение – суть жизни, / Вплавь или вброд, дальше своих мыслей, / Чтоб не черстветь, не костенеть духом, / Чтобы смотреть смело в глаза внукам, / Чтобы прожить целую жизнь в радость, / Надо не ждать, к ветру поднять парус, / Парус!» [5]. Этот нарратив очевидно «заявлен, сформулирован» [6, с. 122], что может указывать на его дистанцированность от авторского сознания. Элементом НН можно трактовать в этой песне экспрессию скорости бытия, подчеркнутую наречным образом *захлеб*: «Северными ветрами, / Бурями и снегами, / Стоптанными ногами / Что-то менять снова-опять надо! / Разумом и руками, / Песнями и стихами, / Все, что мы можем сами, / Делать – не ждать!» [5].

Парус=жизнь нередко опровергается оксюморонной позицией принадлежности *я-бытия* героя, которое предстает как изначально чужое, намеренно сокращающее «присутствие» первичного субъекта сознания и речи почти до нуля (песня «Коварное обольщение»): «Ты воспаришь, / Как только срежешь якоря, / И никогда не будет больно, / Жизнь станет больше, чем достойной – / Много денег, много славы / И чуть-чуть меня» [5]. Первоначальный посыл демонического героя-наставника к финалу произведения нисходит до рефренной звукописи, генетически восходящей к образу «заевшей» пластинки: «Здравствуй, восхитительный цветок! / Поиграть с судьбою – / Это не порок, / Я тебя наставлю, дам урок» – «Много денег, много славы / И чуть-чуть меня, / И чуть-чуть меня, / И чуть-чуть меня, / Чуть-чуть» [5]. «Секундность», молниеносность земной жизни представлена оксюморонной позицией лирического субъекта с «ролевой» функцией, актуализированного в речевой сфере песни «Град из звезд»: «Сдавленный вздох... / Боль глушит

шок... / На суровую рожу дурацкий смешок, / Слез ручей, слез поток» [5]. Развивается этот НН в трагической иронии, перформансивно заявленной в вербальном «теле» песни «Пустячок»: «Я как будто бухой / В это спелое утро! / Под мотивчик простой / Улыбаюсь кому-то... / С песней все по плечу, / И вполне вероятно, / Жизнь за жопу схвачу – / Пустячок, а приятно!» [5].

Заявление лирического героя «Я вечен и неубиваем» почти мгновенно опровергается контекстом песни, философия которой организуется в условиях идейно-субъектной пограничности – на границе жизни и смерти, вечности и небытия, веры и безверия: «А жизнь идет / По самой бровке, / По краю бездны, / По кромке льда, / Шаг за шагом куда-то вперед, / Где секунда, там год» [5]. Семантика ОН этой песни поддерживает интенции НН из предыдущего произведения, где жизнь «проигрывалась» взахлеб и вмиг. Так же и в песне «Я вечен и неубиваем» продолжается прямо-оценочная точка зрения первичного субъекта сознания и речи: «Горела жизнь моя, как свечка с двух сторон, / Таким Макаром мне глупому / Не дотянуть до победного, / Но мне так холодно в режиме эконома» [5]. Романтический бытийный топос *жертвенного пламени* («жизнь=свеча») сливается с бытовым «эконом»-режимом, обнажая авторскую иронию трагического типа через «длительность» символического звучания финального рефрена «Но мне так холодно в режиме эконома».

Даже если первоначально креативный опыт лирического героя опосредован ОН, то в последнем бытийном «скачке» эмоционального тона все равно активизируется НН, как, например, в песне «Молоко и мед»: «Сила и нежность, / Я знак «надежность», / Ты символ «верность», / Не теряй меня, / Трава по пояс, / Иди на голос»; «Мы сожгли мирской закон, / Двери, ставни, отчий дом <...> / Вихрем годы пролетят, / Дети учат жить внучат, / Сядем в уголок вдвоем / Вместо вина / Испить до дна / Мед с молоком» [5]. *Жизнь без жизни* как две хронотопические зоны предстает в вербалике песни «Хэппи сонг»: «Мои дурацкие надежды / Лежат скелетами в шкафу, / Жизнь никогда не будет прежней, / А я по-прежнему живу» [5]. Более того, первичный субъект сознания и перформансивно обыгранная им «вторичная» субъектность, восходящая к коллективному «Мы», сливаются в хаосе небытия прошлого: «Кутавшись в одеялах, / Путались в идеалах, / Пили медленно мысли / О прожитой жизни / Из разбитых бокалов» [5].

«Квадратный ноль» – центральный образ НН в альбоме – маркирует пространственно-временную точку субъектного обнуления, где традиционные векторы бытийного движения теряют смысл: «Расколослся мир, / Разошелся шов, / Стены возвели, / Накопали рвов, <...> / Развенчался миф / Про того, кто мертв, / Говорят, что жив, / Запиваем боль, / Заедаем страх, / На квадратный ноль / Белый свет множит черный монах» [5]. Состояние многосубъектного героя (Я=Мы) запечатлевает чистую лиминарность «промежуточного состояния» [1, с. 16], когда старые «я-приметы» мертвы, а новые еще не обретенны. Важно, что эти нарративы не просто сосуществуют, но находятся в состоянии напряженного диалога и взаимной деконструкции в рамках одного субъекта сознания и речи, что создает эффект внутреннего раскола, «поэтического многоголосья» [6, с. 156], или, в нашей терминологии, феномена идейно-субъектной пограничности, представляющего в данном песенном тексте парадоксальным бытием нескольких субъектов сознания и эмоциональных тонов в рамках одного образа. Один и тот же лирический субъект несет и пафосную, и самоироничную версии своего «Я», демонстрирует невозможность оставаться в рамках единого, непротиворечивого экзистенциального мира: «Перейдя порог, / Мы не смотрим вдаль, / Подвели итог, / Пропустив мораль, / Приросла к лицу / Черная вуаль, / Женихов несут, / Образуя гробов магистраль» [5]. Образ *границы* как места перехода в параллельное бытие, фиксирует не только идейно-субъектную пограничность, но и НН, сводящие в единое семантическое поле *жизнь и смерть, прошлое и будущее, белое и черное*, для лирического

субъекта и его реципиента как вторичного субъекта сознания и речи остается только *миг* для жизни, в которой спасительное белое «издержалось»: «Издержался мед, / Не дочерчен круг, / На людской удел / Смело черти прут / И потух огонь / В темноте времен, / Щедрая ладонь / Теперь кормит собак и ворон» [5]. Тем более трагична ирония лирического героя, представленная в прямо-оценочной точке зрения в финале песни: «Слез не надо! / Стой и не падай / Под ударами судьбы!» [5].

Очевидно, что формы взаимодействия ОН и НН разнообразны и поддерживаются поликодовой природой всех песен альбома.

Во-первых, актуализируется циклическая подмена и интерференция как композиционный принцип. Альбом построен не как линейное Я-восхождение, а как нарративный цикл, в котором песни-«состояния» рассеянного субъекта сменяют друг друга, создавая эффект смысловой интерференции. После энергичного манифеста, заявленного в вербалике песни «Взахлеб», призывающего к молниеносному действию и переменам, следует семантическое «обнуление» в песне «Квадратный ноль», которое погружает энергию к «быстрой» жизни в мир такого же внезапного небытия, экзистенциальной утраты («Смерть, да любовь...» [5]). Однако сам *ноль* для лирического героя А. Ильина не есть чистое *ничто*: он, будучи «квадратным», обретает форму, становится хромотопической рамой потенциально нового отсчета, хоть и за гранью земного бытия. Вновь звучит трагическая ирония собственно автора через намек на условную свободу за «квадратным» гробом, ведь умерший для земного бытия уже «ноль» – так посредством НН проявляется формула-символ материализации и умерщвления духа. Выявленная интерференция ОН и НН приводит к семантическому сдвигу креативных концептов. *Горизонт* из символа цели превращается в *хромотопический предел*, границу экзистенции («Горизонт событий»): это не то, к чему идет герой, а то, что обозначает саму невозможность завершения пути в классическом понимании и становится метафорой большого диалога. *Квадратный ноль* как антитеза *горизонта* обретает не только негативные коннотации, т. к. предстает также «точкой сборки», местом пересмотра координат, от которой возможен новый бытийно-инобытийный отсчет. *Вечность* («Вечен и неубиваем») в философии альбома утрачивает возвышенно-метафизический ореол и становится ироническим маркером («Я вечен и Неубиваем», / И этой чушью / Я долго жил» [5]), за которым скрывается НН «холодно в режиме эконома». Таким образом, *вечность* оказывается фоном для частного, утомительного существования, а не его трансцендентной целью.

Во-вторых, ключевой формой взаимодействия нарративов креативного опыта является трансформация архетипических образов. Образы, традиционно несущие героический или сакральный смысл, подвергаются в альбоме иронично-абсурдистской переработке и становятся носителями НН. «Мельничный рыцарь» – это пародийный, «застрявший» в вечном повторении поступков Дон Кихот. Во фразеологической точке зрения ролевой герой заявляет: «Вот Меч и копьё, / Вот мой щит, мой шлем / И вот оно – сердце мое!» [5]. Его «битва» сведена к существованию в замкнутом пространстве внутреннего бытия «влюбленного героя», чей подвиг заключается в воспевании «писем» возлюбленной, ведь ее «имя» – его «знамя». Ролевой субъект сознания и речи застрял в фазе лиминарности, а его переход в новый статус возможен лишь за границей земного бытия: «Мельничный рыцарь / Воспел твои письма / Ценой своей жизни – / Быстрой и чистой» [5]. «Волхв» и «сатир» в песне «Квадратный ноль» («Загрустил сатир, / Бросил посох волхв» [5]) лишены пророческого дара и дионисийской мощи. Объекты сознания предстают уставшими, бросившими свои атрибуты, что символизирует крах традиционных культурных ролей Творца (пророк, бунтарь) и их заполнение экзистенциальной пустотой. Проступающая субъектно-объектная и бытийно-небытийная трансформация соответствует концепции «вторичного» опыта, когда первичный мифологический или литературный опыт перехода (инициация героя) становится объектом рефлексии и переосмысления в новых условиях [1, с. 17–18].

Третьей важной формой взаимосвязи ОН и НН выступает диалог поколений, эпох, идей и концепций, наиболее явно представленный в песне «Нарратив». Вербальный уровень песни демонстрирует «совмещение точек зрения» [19, с. 116] – отца и сына. Их диалог – это столкновение двух пониманий бытийно-инобытийно-небытийного «нарратива». Отец, представитель уходящего «старого племени», признает сложность и неочевидность своего пути («Сложный нарратив / Детки не поймут»). Сын уважает отца, но отказывается от его пути, замечая, что видит себя в будущем: «Ты мне не врешь, и ты вообще – мужик честный, / Да, и про дни ты говоришь интересно, / Но, только в будущем мое место, / Я буду ждать его, а ты извини» [5]. В прямо-оценочной точке зрения субъект сознания и речи говорит о смене «декораций» и жизненных сценариев, о невозможности прямого наследования ОН. Рефлексия над самим понятием нарратива делает диалог отца и сына предметом художественного исследования, что характерно для метанарративного опыта современного искусства и указывает на кризис передачи культурного кода разными поколениями.

Таким образом, альбом функционирует как *поликодовая субъектно-образная платформа*, в зоне которой осуществляется пересмотр «языков» творческого (само)познания. Креативный акт предстает в вербальном субтексте песен А. Ильина как работа со «сломанными» смыслами, выживание в режиме «эконом», поиск горизонта, который, возможно, является лишь иллюзией, недостижимой мечтой. Данные наблюдения подтверждает мысль Р. М. Шамаевой о том, что креативный продукт (каким является альбом) способен «активизировать, пробуждать творческий потенциал субъектов», предлагая им не готовые ответы, а поле для внутреннего диалога и смыслопорождения [20, с. 60]. Рождающийся в точке сенсорного напряжения «третий» смысл не разрешает конфликт, но поддерживает его как перманентное состояние субъекта сознания, что и маркирует философско-эстетический кризис современной трактовки креативного акта, выявляемый диалогом ОН и НН в песенных текстах А. Ильина.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, в песенной поэзии альбома «План Ломоносова VI» А. Ильина идентифицируется и описывается диалог «очевидных» и «неочевидных» нарративных моделей креативного опыта лирического субъекта. ОН, выраженный в пафосе *преодоления, пути и горизонта*, находится в состоянии устойчивого конфликта с НН, который представляет собой латентный текст экзистенциального свойства, транслируемый субъектом сознания и речи в контексте экспрессивных модусов художественности и оксюморонных комплексов «квадратного нуля», «режима эконом» и «свечки с двух сторон». Во-вторых, этот диалог характеризует сложное коммуникативное поведение различных авторских и героинных ипостасей, что проявляется в идейно-субъектной пограничности – парадоксальном бытии нескольких субъектов сознания в рамках единого лирического образа. Механизмами инсценировки этого диалога-столкновения выступают циклическая композиционная интерференция семантических «приделов» вербального уровня песен, приводящая к взаимному «обнулению» и «подмене» смыслов, интертекстуальная трансформация архетипических образов (рыцаря, волхва, сатира), утрачивающих героический пафос, а также прямые формы метарефлексии (диалог поколений в песне «Нарратив»). В-третьих, результатом диалога ОН и НН является семантический сдвиг ключевых культурных концептов и рождение в точке сенсорного напряжения «третьего», интерферентного смысла. Концепт *горизонт* превращается из символа цели и жизненного позитива в хронотопический предел экзистенции, *квадратный ноль* маркирует пространственно-временную точку кардинальной трансформации, от которой возможен новый бытийно-инобытийно-небытийный отсчет, а *вечность* низводится до уровня иронической, иллюзорной формулы спасения. Наконец, исследование подтверждает тезис о том, что диалог ОН и НН в песенных текстах рок-группы «План Ломоносова» выявляет философско-эстетический кризис

современной трактовки креативного акта, который более не может пониматься в рамках линейного, сугубо экзистенциального нарратива, а требует новых поликодовых методологических инструментов для своего осмысления. Таким образом, альбом А. Ильина предстает как рефлексивный вербально-невербальный акт, моделирующий и распознающий экзистенциальное состояние творческого сознания в современной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаева Л. Д. Художественный нарратив и структуры опыта: сюжет перехода в русской литературе новейшего времени : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 ; 10.01.08. – СПб., 2012. – 43 с.
2. Гавриков В. А. Песенная поэзия vs печатная поэзия. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. – 388 с.
3. Ермаков Т. К., Дегтяренко К. А., Шпак А. А. Конструирование художественных метанарративов в современной культуре: формальные и смыслообразующие аспекты // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17(4). – С. 681–693. – EDN: LQPLYW.
4. Злыднева Н. В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. – М. : Индрик, 2013. – 360 с.
5. Ильин А. План Ломоносова VI [Электронный ресурс]. – URL : <https://vk.com/@planlomonosova-plan-lomonosova-vi> (дата обращения: 02.01.2026).
6. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.
7. Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под. ред. В. В. Бычкова. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 608 с.
8. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Ин-т эксперимент. Социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 161 с.
10. Локтевич Е. В. Современная русская оригинальная рок-поэзия: трансформация субъектной парадигмы. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 199 с. – DOI 10.12737/2100004.
11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М. : Искусство, 1970. – 387 с.
12. Лю Ся Специфика проявления нарратива в музыке: жанровый аспект // European Journal of Arts. – 2020. – № 3. – С. 107–111. – DOI 10.29013/EJA-20-3-107-111.
13. Манохина Н. В., Митяева Н. В. Креативность: мифы и реальность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2025. – Т. 25, Вып. 1. – С. 4–15. – DOI 10.18500/1994-2540-2025-25-1-4-15. EDN: CHPEUT.
14. Мельникова Е. В. «Музыка и слово»: новые формы взаимодействия в творчестве композиторов второй половины XX – начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02. – Екатеринбург, 2022. – 14 с.
15. Моштылева Е. С. Взаимодействие нарративного и лирического начал в текстах современных музыкальных исполнителей // Научный диалог. – 2021. – № 4. – С. 112–128. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-112-128.
16. Розин В. М. Сущность и тайна музыки // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2014. – № 2(2). – С. 194–218. – DOI 10.7256/1339-4002.2014.3.13588.
17. Рымко Г. А. Теоретические проблемы тексто-музыкальной формы : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.02. – М., 2013. – 375 с.
18. Темиргазина З. К., Ибраева Ж. Б. Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 72. – С. 290–307. – DOI 10.17223/19986645/72/16.
19. Успенский Б. А. Поэтика композиции. – СПб. : Азбука, 2000. – 352 с.
20. Шамаева Р. М. Креативность в музыкальной культуре. – Челябинск, 2010. – 171 с.
21. Шмид В. Нарратология. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026

REFERENCES

1. Bugaeva L. D. Hudozhestvennyj narrativ i struktury opyta: syuzhet perehoda v russkoj literature novejshego vremeni : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01 ; 10.01.08. – SPb., 2012. – 43 s.
2. Gavrikov V. A. Pesennaya poeziya vs pechatnaya poeziya. – M. ; Berlin : Direkt-Media, 2021. – 388 s.
3. Ermakov T. K., Degtyarenko K. A., Shpak A. A. Konstruirovanie hudozhestvennyh metanarrativov v sovremennoj kul'ture: formal'nye i smysloobrazuyushchie aspekty // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2024. – № 17(4). – S. 681–693. – EDN: LQPLYW.

4. Zlydneva N. V. Vizual'nyj narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochteniya. – M. : Indrik, 2013. – 360 s.
5. Il'in A. Plan Lomonosova VI [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://vk.com/@planlomonosova-planlomonosova-vi> (data obrashcheniya: 02.01.2026).
6. Korman B. O. Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury. – Izhevsk : Izd-vo Udm. un-ta, 1992. – 236 s.
7. Leksikon nonklassiki. Hudozhestvenno-ehsteticheskaya kul'tura XX veka / pod. red. V. V. Bychkova. – M. ; SPb. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2021. – 608 s.
8. Leont'ev D. A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. – M. : Smysl, 2003. – 487 s.
9. Lyotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. – M. : In-t eksperiment. sociologii ; SPb. : Aletejya, 1998. – 161 s.
10. Loktevich E. V. Sovremennaya russkaya original'naya rok-poeziya: transformaciya sub"ektnoj paradigmy. – M. : INFRA-M, 2024. – 199 s. – DOI 10.12737/2100004.
11. Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta. – M. : Iskusstvo, 1970. – 387 s.
12. Lyu Sya Specifika proyavleniya narrativa v muzyke: zhanrovyy aspekt // European Journal of Arts. – 2020. – № 3. – S. 107–111. – DOI 10.29013/EJA-20-3-107-111.
13. Manohina N. V., Mityaeva N. V. Kreativnost': mify i real'nost' // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ehkonomika. Upravlenie. Pravo. – 2025. – T. 25, Vyp. 1. – S. 4–15. – DOI 10.18500/1994-2540-2025-25-1-4-15. EDN: CHPEUT.
14. Mel'nikova E. V. «Muzyka i slovo»: novye formy vzaimodejstviya v tvorchestve kompozitorov vtoroj poloviny XX – nachala XXI vekov : avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya : 17.00.02. – Ekaterinburg, 2022. – 14 s.
15. Moshtyleva E. S. Vzaimodejstvie narrativnogo i liricheskogo nachal v tekstah sovremennyh muzykal'nyh ispolnitelej // Nauchnyj dialog. – 2021. – № 4. – S. 112–128. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-4-112-128.
16. Rozin V. M. Sushchnost' i tajna muzyki // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2014. – № 2(2). – S. 194–218. – DOI 10.7256/1339-4002.2014.3.13588.
17. Rymko G. A. Teoreticheskie problemy teksto-muzykal'noj formy : dis. ... kand. iskusstvovedeniya : 17.00.02. – M., 2013. – 375 s.
18. Temirgazina Z. K., Ibaeva Zh. B. Nablyudatel' v poeticheskom narratieve (na primere stihotvorenij P. Vasil'eva) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2021. – № 72. – S. 290–307. – DOI 10.17223/19986645/72/16.
19. Uspenskij B. A. Poetika kompozicii. – SPb. : Azbuka, 2000. – 352 s.
20. Shamaeva R. M. Kreativnost' v muzykal'noj kul'ture. – Chelyabinsk, 2010. – 171 s.
21. Shmid V. Narratologiya. – M. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.

The article was contributed on January 19, 2026

Сведения об авторе

Локтевич Екатерина Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературно-художественной критики Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь, <https://orcid.org/0000-0001-8357-9019>, lichorad.kat@mail.ru

Author Information

Loktevich, Ekaterina Vyacheslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literary and Artistic Criticism, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, <https://orcid.org/0000-0001-8357-9019>, lichorad.kat@mail.ru